
АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ МУРАВЬЕВ

ПУТЕШЕСТВИЕ
КО СВЯТЫМ МЕСТАМ
В 1830 ГОДУ

ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКИЙ МИР

«ИНДРИК» 2006

Восточнохристианский мир

Андрей Муравьев

**Путешествие ко святым
местам в 1830 году**

«Индрик»

2006

Муравьев А. Н.

Путешествие ко святым местам в 1830 году / А. Н. Муравьев — «Индрик», 2006 — (Восточнохристианский мир)

[<p id="__GoBack">](#)Предлагаемая читателю книга представляет собой первое переиздание знаменитого «Путешествия» А. Н. Муравьева, уже при жизни автора признанного лучшим в ряду других многочисленных книг и очерков писателя. Прочитанное А. С. Пушкиным «с умилением и невольной завистью», «Путешествие» выдержало за 15 лет 5 изданий и во многом стимулировало в русском читающем обществе – от крестьянских книгоцеев до петербургской элиты – живой интерес к Палестине и Христианскому Востоку. Для самого Муравьева успех его первой книги стал сильнейшим стимулом последующего творчества. Через много лет, вспоминая первое путешествие на Восток и осмысливая его значение в своей творческой биографии, Муравьев скажет: «Щедрую рукою вознаградил меня Господь, ибо все, что я ни приобрел впоследствии, как в духовном, так и в вещественном, истекло для меня единственно из Иерусалима, и надо мною оправдались слова Евангелия: „Всяк, иже оставит дом, или братию имени Моего ради, сторицею примет“» (Мф 19). В наши дни, когда паломничество в Иерусалим и Святую Землю становится неотъемлемой частью возрождения Русской Церкви и духовных традиций, Муравьев и его книга о путешествии ко святым местам вновь оказываются востребованными и актуальными.

© Муравьев А. Н., 2006

© Индрик, 2006

Содержание

А. Н. Муравьев и его книга «Путешествие ко святым местам в 1830 году»	6
Поэт и рыцарь	7
Феномен Муравьева в истории русско-иерусалимских церковных отношений	10
Признание	13
Источники и информаторы	15
Предисловие	20
Обзор русских путешествий в Святую землю	21
Конец ознакомительного фрагмента.	32
Комментарии	

Андрей Муравьев

Путешествие ко святым местам в 1830 году

Рецензенты:

кандидат исторических наук Г. А. Попова

кандидат искусствоведения А. М. Лидов

© Н. Н. Лисовой. Вступительная статья, комментарии, 2006

© Издательство «Индрик», 2006

А. Н. Муравьев и его книга «Путешествие ко святым местам в 1830 году»

Андрей Муравьев... Большинство читателей вряд ли что знают и помнят об авторе предлагаемой их вниманию книги – за исключением, может быть, пушкинской эпиграммы о «Митрофане Бельведерском» да лермонтовской «Ветки Палестины». Между тем Муравьев был когда-то широко известен – как поэт и литератор, писатель-паломник, положивший начало новому жанру русского паломнического очерка, церковный публицист, сумевший пробудить в широких читательских кругах интерес к истории Церкви и богослужения, к святыням России и Православного Востока, наконец, влиятельный церковный и общественный деятель. Лишь в последние годы появились в переизданиях некоторые из его знаменитых и популярных когда-то книг: «Путешествие по Святым местам русским» (М., 1990), «Письма о Богослужении» (М., 1993), «Первые четыре века христианства» (СПб., 1998), «История Российской церкви» (М., 2002), «Письма с Востока» (М., 2005). В Петербурге в 2001 г. вышла монография Н. А. Хохловой «Андрей Николаевич Муравьев – литератор». Но до сих пор не была доступна читателю главная работа, составившая А. Н. Муравьеву имя, репутацию и славу, – «Путешествие ко святым местам в 1830 году».

Поэт и рыцарь

Андрей Николаевич Муравьев родился 30 апреля 1806 г. – по церковному календарю в понедельник 5-й седмицы Святой Четыредесятницы, в день памяти святого апостола Иакова Зеведеева, когда в церкви положены уставные чтения: на утрени – из последней беседы Спасителя с учениками, со знаменательными словами: «паси овец моих» (Ин 21, 15–18), а на литургию – из того же Евангелия: «я не ищу моей славы: есть Ищущий и Судящий» (Ин 8, 50). Не знаю, задумывался ли сам Муравьев над тем, что было ему «на роду написано», но нам эти тексты показались знаменательными.

Родился он в старинной дворянской семье, многие представители которой оставили славные имена на страницах отечественной истории. Достаточно сказать, что отцом нашего героя был генерал-майор Николай Николаевич Муравьев, основатель и директор московской Школы колонновожатых, готовившей офицеров для Главного штаба, а братьями – генерал Николай Николаевич Муравьев-Карский, выдающийся военачальник, Главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом, и Михаил Николаевич Муравьев-Виленский, видный государственный деятель, министр государственных имуществ, в период польского восстания 1863–1864 гг. военный губернатор и командующий войсками Виленского военного округа, усмиритель смуты.

Муравьев с детства получил религиозное воспитание и хорошее домашнее образование, что было традиционно для московского высшего общества того времени. Говоря о *традиционности* воспитания Муравьева, мы имеем в виду особый тип и особый колорит московской жизни и мысли. Даже если выходцы из старомосковских, традиционного уклада, семейств жили потом в Петербурге, они культурными корнями своими восходили к московскому *духовному архетипу* тогда как в целом русское общество того времени отнюдь не отличалось большим интересом к православной духовности. Отметим один выразительный штрих: во всех сочинениях, письмах, документах Пушкина ни разу не упоминается день ангела, как будто эта тема для Александра Сергеевича не существует. Мы не знаем, в честь какого святого Александра поэт был назван. А для Муравьева праздник апостола Андрея Первозванного – это главный в году день: вся жизнь Андрея Николаевича строится вокруг его ангела. Он стал ктиторм Андреевского скита на Афоне, поселился в Киеве возле Андреевского собора, в крипте которого и был похоронен. В этом, церковно-бытовом, смысле Муравьев с юных лет явно выделялся из своего светского и литературного окружения.

Главная роль в образовании Муравьева принадлежала С. Е. Раичу (1792–1855), поэту, переводчику, филологу, воспитателю и наставнику А. В. Шереметева, Ф. И. Тютчева и позже М. Ю. Лермонтова. Кстати, Раич приходился родным братом митрополиту Киевскому Филарету (Амфитеатрову). В творческой атмосфере литературных вечеров, где Раич читал свои переводы из поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим», интерес Андрея Николаевича к эпохе крестовых походов получил мощный импульс. «Тогда уже, – вспоминал Н. В. Путья, – он мечтал о путешествии на Восток, который сильно занимал его воображение как колыбель христианства и поприще крестовых походов».

Свою карьеру Муравьев начинал «архивным юношей», хотя пребывание его в Московском архиве Коллегии иностранных дел (1822–1823) было непродолжительным. По стопам старших братьев он решает определиться в военную службу, получив в декабре 1823 г. чин прапорщика. Как пишет современный исследователь, «представление о военной службе у Муравьева было, по-видимому, связано с очень важной для него идеей – идеей рыцарства... Но по своему складу он не был военным человеком и, вполне сознавая это, относился к службе как к промежуточному, временному этапу своей жизни».

Время военной службы (1823–1829) стало для молодого Муравьева и временем расцвета поэтического творчества, тесного общения с литературными кругами Москвы, признания его как многообещающего поэта. «Это время становления и личностного, и творческого, – пишет Н. А. Хохлова, – когда Муравьев находит свое предназначение в поэзии и начинает много и неустанно работать». В 1827 г. издан сборник стихов «Таврида», в списках ходили его трагедии «Митридат» (1825) и «Владимир» (1826). К концу 1827 г. завершена работа над трагедией «Битва при Тивериаде, или Падение крестоносцев в Палестине» (автор решится напечатать ее лишь в последний год жизни – в 1874 г.). Знаменательно, что интерес к Иерусалиму возник у него задолго до первой поездки на Восток.

К этому времени относятся воспоминания одного из друзей-сослуживцев, просто и сердечно запечатлевших образ Андрея Николаевича времен его воинской службы: «Муравьев был годами тремя старше меня, мне же перед тем минуло восемнадцать лет. Мы скоро подружились. Муравьев был исполинского роста и приятной наружности. При всей набожности своей он был нрава веселого, сердца доброго, обходителен и любим всеми товарищами, хотя постоянно удалялся от веселых компаний. Он в жизни был весьма воздержан, не пил ни капли никакого вина, любил порядок, чистоту, лошадей и верховую езду. Он тогда уже усердно занимался литературой, и первые произведения его пера сохранились у меня в альбоме и на отдельных листах».

В 1827 г. не удовлетворенный полковой жизнью и явно отдававший предпочтение карьере литературной, Муравьев подает в отставку. Но началась Русско-турецкая война 1828–1829 гг. – и он немедленно, несмотря на упреки в непостоянстве, просится обратно, причем непосредственно к театру военных действий. «Меня радовала война, – вспоминал впоследствии Муравьев, – я был напитан духом крестоносцев, которых недавно описал; мое пылкое воображение заранее представляло мне Царьград, волшебные края Греции и самый Иерусалим, всегдашнюю цель моих странствий. Меня одушевляла мысль о свержении ига неверных с единоверцев, и, когда других занимали собственные виды, я видел пред собою один лишь подвиг веры!»

10 августа 1828 г. А. Н. Муравьев был «по Высочайшему указу определен в ведомство Коллегии иностранных дел, с причислением его к Дипломатической Канцелярии Господина Главнокомандовавшего 2-ю Армиею Генерал Фельдмаршала Графа Витгенштейна». Находясь при Главной квартире главнокомандующего Дибича, он был очевидцем заключительных событий войны и подписания Адрианопольского мира (14 сентября 1829 г.). Но с окончанием военных действий он не спешит домой. Совсем наоборот. Получив через главнокомандующего русской армии И. И. Дибича-Забалканского высочайшее разрешение, Муравьев отправляется – через Константинополь, Египет, Сирию – в первое свое путешествие в Святую Землю.

Он прибыл в Иерусалим «в пятое воскресенье Великого поста», т. е. 23 марта 1830 г., и Пасху встретил в храме Гроба Господня. Это была *его весна* – не только в календарном, но и в духовном и творческом смысле.

Мы вернемся еще к иерусалимским сюжетам, но сначала несколько слов о дальнейшем, не очень длинном «послужном списке» писателя. Результатом путешествия была книга, ставшая поистине судьбоносной в его жизни. В апреле 1833 г., по прочтении «Путешествия» императором Николаем I, Муравьев назначается на службу в Св. Синод, секретарем обер-прокурорского стола, «с оставлением его причисленным к ведомству МИД». Несколько лет спустя он стал центральной фигурой в бюрократической интриге, связанной со смещением обер-прокурора С. Д. Нечаева и назначением на его место графа Н. А. Протасова. Существуют мемуарные свидетельства, что Андрею Николаевичу самому хотелось стать обер-прокурором, и, похоже, такая цель ставилась не им одним, но и его высокими покровителями, включая митрополита Московского Филарета (Дроздова).

Затея не удалась, кончилось тем, что сначала Филарета перестали приглашать в Синод («шпоры графа Протасова цеплялись за мою мантию», с грустной иронией скажет впоследствии святитель), а за ним ушел (в 1842 г.) и Муравьев. Местом его службы остается Министерство иностранных дел (до 1866 г.).

Как и у многих других, служба не слишком обременяла писателя. Он неустанно путешествует по монастырям и святым местам России, издавая путевые очерки, которые считал достаточным подписывать не своей фамилией, но как «Автор „Путешествия по святым местам“». В 1845 г. мы видим его в Риме (результат: «Римские письма». Т. 1–2. СПб., 1846). В 1849–1850 гг. Муравьев отправляется во второе путешествие на Восток («Письма с Востока». Т. 1–2. СПб., 1851. Репринт: М., 2005), несколько раз посетил Афон, изучил и описал христианские древности Армении и Грузии.

Последние годы, отойдя от дел и творчества, Муравьев провел в Киеве, в доме на Андреевском спуске, неподалеку от храма во имя святого апостола Андрея Первозванного. Летом 1874 г. он совершил свою последнюю поездку на Афон, где был ктиторм русского Андреевского скита. По возвращении домой он заболел и скоропостижно скончался 18 августа того же 1874 г. По высочайшему разрешению был погребен в устроенном им подземном приделе Андреевской церкви.

Феномен Муравьева в истории русско-иерусалимских церковных отношений

В историю литературы Андрей Николаевич вошел как самый плодовитый и популярный из духовных писателей русского XIX в. Он был первым, кто научил русское общество говорить и мыслить о Церкви, о христианстве по-русски. О любых, самых сложных церковных и профессиональных вопросах он умел говорить и писать хорошей лирико-публицистической прозой, не уступавшей лучшим образцам пушкинской и лермонтовской эпохи, что и предопределило успех его сочинений среди православных – и не очень – читателей.

На Востоке Муравьев обрел подлинное свое призвание, нашел для себя благодатную творческую нишу – рыцарь и певец Святой Земли. В первый момент для молодого Муравьева это было, возможно, почти бессознательным, инстинктивно угаданным попаданием и лишь со временем стало осознанным профессиональным писательским выбором и смыслом жизни. Это сразу понял проницательный Пушкин. В наброске неопубликованной рецензии на книгу Муравьева он писал: «Молодой наш соотечественник привлечен туда (в Иерусалим) не суетным желанием обрести краски для поэтического романа, не беспокойным любопытством найти насильственные впечатления для сердца усталого, притупленного. Он посетил святыне места как верующий, как смиренный христианин, как простодушный крестоносец, жаждущий повергнуться во прах пред Гробом Христа Спасителя».

Любопытно, что внимательный и сочувственно настроенный рецензент прежде всего подчеркивает в путешествии Муравьева на Восток его *личную инициативу*. Но собственные устремления и настроения писателя преломились и были многократно усилены напряженной атмосферой политической и духовной жизни Православного Востока. В Константинополе, Египте, Иерусалиме 1830 года никто не принимал всерьез заверений Муравьева, будто он приехал всего лишь как поэт и паломник поклониться христианским святыням, – на него смотрели как на посланца великой России, только что победившей в войне мусульманскую Турцию. Ему были открыты все двери, он был представлен и имел возможность беседовать с крупнейшими государственными и церковными деятелями.

А затем произошло следующее: одно только упоминание, что Муравьев приехал по высочайшему разрешению, рождает миф. По существу, получается, что Муравьев в Иерусалиме – своеобразный «ревизор». При отсутствии дипломатических отношений и даже каких-либо официальных контактов – вдруг сразу приезжает «генерал». Конечно, он не был генералом, он был всего лишь частным лицом и приехал без каких-либо официальных поручений. Но сам ореол – что он приехал из ставки Дибича и по высочайшему разрешению государя императора – способствовал созданию мифа. Позже, с 1836 г., Патриарх Иерусалимский Афанасий в своих письмах даже начинает величать его «Вашим Сиятельством», хотя отлично знал, что никаким «сиятельством» Муравьев не был.

Перед отъездом из Иерусалима Андрей Николаевич получил в благословение от Патриархии крест с частицей Животворящего Древа. Этот крест получил не он первый и уж тем более не он последний. Многие представители Августейшего Дома, великие князья, министры иностранных дел и иные сановники Российской империи имели такую же иерусалимскую евлогию. Но когда Андрею Николаевичу надели на шею этот крест, он – таково его личное устройство, таков его внутренний мир – реально осознал себя причисленным к *рыцарям Святого Гроба*.

А с учетом греческого темперамента иерусалимских владык, их византийского красноречия, от которого любая голова может закружиться, не удивительно, что у Андрея Николаевича – из субъективного чувства ответственности, из чисто юношеской, поэтической, романтической рыцарственности – в сознании откладывается совершенно четко: да, я рыцарь Святого Гроба. И как он потом напишет Блаженнейшему Афанасию: «Я с своей стороны усердием к

Святому Гробу постараюсь быть достойным, сколько мне сие позволят мои слабые силы, того Животворящего Креста, коим Вы, Милостивый Архипастырь, благословили меня».

Не менее выразительно ответное письмо на полученную из Иерусалима грамоту о признании Андрея Николаевича «Рыцарем Святой Земли»:

«Блаженнейший и божественнейший Патриарх!

Новою благочестивою радостью исполнило меня новое изъявление пастырской любви Вашей к моему недостоинству запечатленное соборною грамотою на звание Рыцаря Святой Земли. – Как рыцарь, посвященный Вами, обещаю и впредь защищать по мере слабых сил моих права Всесвятого Гроба и той земли, заступником коей Вы меня называете; как нареченный Вами епитроп, буду я стараться соблюдать все на пользу Иерусалимской Святой Церкви; как сын же повергаюсь, с чувствами глубочайшей признательности, к отеческим стопам Вашим и молю о испрошении мне свыше довольно силы духовной для исполнения сих священных обязанностей, дабы я не был для Иерусалима токмо медью звенящею и кимвалом бряцающим, по выражению Апостола».

А патриарх Афанасий, со своей стороны, обращался к нему в своих письмах: «Сиятельныйнейший Господин Андрей Муравьев, усерднейший ревнитель и Епитроп Гроба Господня и возлюбленнейшее Нашей Мерности во Христе чадо!» или «Сиятельныйнейший и благочестивейший ревнитель Пресвятого Гроба и Рыцарь Святой Земли, Господин Андрей Муравьев!»

Вот так его восприняли на Востоке. Иерусалим не входил в то время в круг приоритетных направлений русской внешней политики. Между тем к Муравьеву начинает идти от патриархов и крупнейших церковных деятелей корреспонденция разного рода: личная – поздравления с большими праздниками и с днем ангела как повод напомнить о себе, и не совсем личная – это когда просят ускорить, посодействовать, использовать в Петербурге возможные рычаги воздействия.

И когда оказывается, что в ряде случаев Андрею Николаевичу – за счет его связей, энергии, амбициозности – удастся удовлетворить просьбы восточных иерархов и добиться результата, иерусалимская сторона убеждается, что Муравьев действительно полезен. В высших кругах восточного духовенства – в сообщающихся сосудах православных патриархатов – формируется мнение и со временем становится всеобщим (его разделяет и Вселенский Патриарх, и Иерусалимский, и Антиохийский), что у них есть свой *представитель* в Петербурге, через которого можно что-то кому-то сказать, что-то кому-то передать, что-то у кого-то исходатайствовать. Положение Муравьева укрепляется возведением в епитропы (почетные представители) Восточных Патриархатов. «Звание» ни к чему не обязывает, оно неформально, оно нигде не прописано – ни в канцелярии Вселенского Патриарха, ни в канцелярии Иерусалимской Патриархии, об этом не оповещен Святейший Синод в России, об этом не оповещен митрополит Филарет, – но незаметно, исподволь, новое положение Муравьева всем становится известным, и одни в шутку, другие серьезно, третьи с дружеской иронией, как митрополит Филарет, начинают обращаться к Андрею Николаевичу как к епитропу. В глазах двух главных организаций, от которых зависели связи России с Православным Востоком, для МИДа и Святейшего Синода, для одних меньше, для других больше, он реально становится авторитетом и экспертом в Восточном вопросе.

Русский МИД и русский Синод – это традиционно две очень ленивые и очень консервативные организации. Получает г. Титов Владимир Павлович, или г. Сенявин Лев Григорьевич, или один из синодальных владык сигнал о том, что в Иерусалиме безобразия, или на Елеоне драка с армянами, или армяне притесняют наших, православных... На это есть Муравьев, епитроп. Возникает официальная потребность обращения к Муравьеву. Он получает официаль-

ный статус. Более того, этот статус за ним сохраняется на протяжении ряда лет, независимо от того, делает он что-нибудь или не делает. Муравьев необходим как эксперт, когда нужно объяснить церковно-политическую ситуацию на Востоке и определить стратегию действий. Такие люди, как Муравьев, для того и нужны, чтобы раз в полгода, в год можно было призвать их и запросить объяснений, кто и из-за чего спорит в Иерусалиме, в Вифлееме или в других святых местах. И он объясняет. Андрей Николаевич становится реальной фигурой и для МИДа, и для Синода, как участник процесса принятия решений, самостоятельное звено синодальной и мидовской системы.

Возникает *сфера влияния*, которая не прекратится и с уходом Андрея Николаевича сначала из Синода, а потом и из МИДа. Связи налажены, и они действуют. Между 1832 г. и 1843 г., влияние Муравьева значительно. Есть государь император, есть Синод, есть МИД, и есть – Андрей Николаевич Муравьев, к которому вольно или невольно все привыкли. Он и сам привык, что все патриархи обращаются к нему с челобитными. Ему это нравится, он этого хочет, его амбициозность по-прежнему работает. И уже Филарет по конкретным проблемам, связанным с Востоком, обращается к Муравьеву. Например: «Вот просьба или по крайней мере изъяснение заботы, которое Вы должны выслушать, как *рыцарь гроба Господня* и *епископ Восточной Иерархии*». Или: «Как от епископа Гроба Господня, не должен я скрыть от Вас...». Или: «Вы епископ: извольте строже допрашивать и судить». Или: «Скажу Вам нечто, как епископу Восточных Патриархов». Это позволяет нам назвать период между Адрианополем и Лондоном – *муравьевским периодом* русско-иерусалимских отношений.

Признание

Но вернемся к книге, написанной Муравьевым по возвращении из путешествия к святым местам. Е. В. Новосильцева рекомендует автора и его рукопись митрополиту Московскому Филарету. Филарет сначала отказывается, а потом, когда видит со стороны Андрея Николаевича искреннее желание совместной работы и приятие критики, великодушно редактирует его книгу. Так, благодаря Иерусалиму, начинается дружба Муравьева с Филаретом. Здесь опять связующим звеном становится его паломничество, но уже как *литературный факт*. Одобряющим было и мнение патриарха российской словесности В. А. Жуковского, также прочитавшего «Путешествие» в рукописи.

Как нередко бывает, книга, посвященная этой поездке, первая его прозаическая книга, стала и лучшей в ряду многочисленных впоследствии книг и очерков писателя. Прочитанное А. С. Пушкиным «с умилением и невольной завистью», «Путешествие» выдержало за 15 лет 5 изданий и во многом стимулировало в русском читающем обществе – от крестьянских книжечеев до петербургской правящей элиты – живой интерес к Палестине и Христианскому Востоку.

Характерная черта эпохи: интерес к Святой Земле у русского, даже «старомосковского», почти «архивного» юноши пушкинского времени питается не православной традицией (прологами, хождениями, духовными стихами), а источниками европейскими: с одной стороны, это поэзия и проза крестовых походов, Торквато Тассо, «Неистовый Роланд», с другой стороны – Шатобриан с его путешествием в Святую Землю. Образно говоря, Муравьев приехал в Палестину с Шатобрианом в руках, чтобы уехать с русским православным путеводителем, который написал сам.

Итак, если сначала путешествие Муравьева стало помимо его воли *политическим фактом*, то теперь, когда он рассказывает о своем паломничестве на бумаге, оно становится фактом русской литературы. Теперь он – автор признанной книги, которая стала событием.

Ее читают все. Отнюдь не только высшее общество, не только церковные иерархи и студенты духовных академий (о чем есть свидетельство профессора Московской Духовной академии П. С. Казанского: «Живо помню я, какое громадное впечатление произвела на нас эта книга. Живость языка, картинность образов, горячие чувства благочестия и самый внешний вид книги, напечатанной на хорошей бумаге и хорошим шрифтом, – были чем-то новым, необычным до того времени. Заполучив книгу, мы не спали ночь, пока не прочли всю ее»), – ее читают и в народе. В. Н. Хитрово в книге «К Животворящему Гробу Господню», написанной от имени крестьянина Василия Никитича, пишет: «Прихожу я за книгами к отцу Иоанну, а он мне говорит: „Вот Вася, какую тебе книгу дам, вся Святая Земля описана, был там, говорит, г. Муравьев и всё, что видел, всё описал“. Взял я книгу да, кажись, в одну неделю всю ее прочитал, а прочитав, решил, что, долго не откладывая, пойду в Иерусалим».

Короче, книга А. Н. Муравьева становится *документом эпохи* не только для петербургской дворянской аудитории, не только для влиятельных людей из Синода или МИДа, но и для всей России. И с этой точки зрения неизвестно, что важнее – то, что Пушкин ее прочитал «с невольной завистью», или то, что «мальчик Вася» бегал за ней к сельскому батюшке и читал по вечерам эту книгу вслух по складам в своей семье.

Для Муравьева успех его первой книги стал сильнейшим стимулом последующего творчества. Через много лет, вспоминая свое первое путешествие на Восток и осмысливая его значение в своей творческой биографии, Муравьев скажет: «Щедрую рукою вознаградил меня Господь, ибо все, что я ни приобрел впоследствии, как в духовном, так и в вещественном,

истекло для меня единственно из Иерусалима, и надо мною оправдались слова Евангелия: „Всяк, иже оставит дом, или братию имени Моего ради, сторицею примет (Мф 19)“¹.

Приступая к новым работам, он твердо знал теперь, «куда ж нам плыть». Отблеск святых мест Палестины постоянно присутствовал в описаниях святынь и достопамятностей России, Афона, Кавказа. В предисловии к первому изданию «Путешествия по св. местам русским» (1836; эта книга тоже будет потом неоднократно переиздана, с дополнением все новых исхоженных и изъезженных паломником святых мест, храмов и монастырей) Муравьев писал: «Сие краткое описание некоторых обителей русских может отчасти служить продолжением моему путешествию ко святым местам, потому что в Палестине возникло во мне желание посетить их. Помню, как смутили меня иноки иерусалимские, когда в храме Святого Гроба начали расспрашивать у меня о Троицкой Лавре, и я должен был им признаться, что хотя родился в Москве, но никогда не видел сей родственной святыни, близкой сердцу каждого русского и знаменитой по всем странам. Тогда же дал я обещание сходить в Лавру по возвращении в отечество».

19 февраля 1837 г. А. Н. Муравьев, в уважение к литературным заслугам, был избран в действительные члены Российской Академии, причем, как вспоминал писатель, митрополит Филарет «был так снисходителен, что когда меня сделали членом Российской Академии, то он пожелал сам ввести меня в это собрание».

Впереди были новые книги, описания памятников, издания документов, церковно-исторические исследования... Но начало всему было положено *там* — в коленопреклоненной молитве у Гроба Господня.

¹ Муравьев А. Н. Мои воспоминания. М., 1913. С. 8.

Источники и информаторы

В стремлении обогатить информационное содержание своей книги Муравьев, начиная с третьего издания (1835), включил в нее вступительную статью «Обзор русских путешествий в Святую Землю», а также, в качестве приложения, чин посвящения католических Рыцарей Святого Гроба и выписку из книги архиепископа Тимофея (Габашвили) о грузинских святых Иерусалима и Святой Земли. К четвертому изданию (1840) Андрей Николаевич добавил также специально по его просьбе написанную справку «О пределах апостольского патриаршего Иерусалимского Престола и о подвластных ему епархиях».

Вступительная статья, призванная, по мысли автора, дать читателю представление – в цитатах и пересказах из древнерусских хождений – о тех местах, где он лично не был, и святых, которых ему не довелось видеть, вполне соответствует тогдашнему уровню исторической и историко-филологической науки. Для писателя это было своего рода «возвращением долгов» – и возвращением к истокам русской православной традиции: от Торквато Тассо и Шатобриана к игумену Даниилу Андрей Николаевич использует привлекаемые им памятники по новейшим на тот период публикациям, либо делает выписки из рукописей доступных ему библиотек и частных собраний.

Эти дополнительные сведения, помимо того, что впервые открывали широкому читателю историю русского паломничества XII–XVII вв., намного расширили географию и историю представленных в книге святых мест. К сожалению, не имея возможности проверить сообщаемые древними авторами сведения, Муравьев невольно привнес в свою книгу ряд досадных ошибок и неточностей. Скажем лишь о некоторых. Так, вслед за игуменом Даниилом, автором замечательного Хождения 1106–1107 гг., Муравьев сообщает о наличии в городе Тивериаде «дома, где исцелил Господь тещу Петрову». Ошибка тем более странная, что и начитанный в Писании и церковных службах А. Н. Муравьев, и сам игумен Даниил, разумеется знали, что описываемые евангельские события происходили в Капернауме, а не в Тивериаде, в которой Господь и его ученики никогда не были. Очевидно, Даниил вполне зависел в своих рассказах от тех сведений, которые сообщались ему на месте, а греческое духовенство в отсутствии научных данных или устойчивой традиции (Капернаум был раскопан лишь в конце XIX в.) достаточно произвольно подходило к локализации почитаемых евангельских мест.

Другой пример. Даниил говорит о монастыре Предтечи, стоявшем «в ущельях, на пути к Иерусалиму от Иордана, подле горы Ермонской». Мало того что археологи не знают на этом пути никакого монастыря Предтечи, но и гора Ермон находится совершенно в другом месте, на севере Галилеи, на границе с Ливаном. Существует, правда, в географической номенклатуре еще и Малый Ермон, но и он лежит на границе Галилеи и Самарии, весьма далеко от местности, описываемой Даниилом. Возможно, наш древний паломник неверно передал название местности.

Включенный Муравьевым в состав приложений к книге чин посвящения в «рыцари Святого Гроба», списанный, по его словам, из рукописи, найденной в сакристии Храма Гроба Господня, не отличается, судя по тексту, ни особой древностью, ни источниковедческой ценностью и свидетельствует лишь о застарелом пиетете, который сохранил Муравьев с юности к миру крестоносцев и западного рыцарства. Можно думать, впрочем, что углубленный интерес к латинскому святогробскому ордену обострил желание Андрея Николаевича оформить аналогичным образом полученное им в Иерусалиме благословение крестом с частицей Святого Древа. В декабре 1836 г., через год после выхода третьего издания «Путешествия», он пишет архиепископу Иерофею, представителю Иерусалимской Патриархии в Москве: «<Митрополит Мисаил> возобновляет мне данное уже в Иерусалиме звание Рыцаря Святой Земли, весьма для меня драгоценное. Я и тогда жалел, что не получил сего звания с обрядами церковными, какие

бывают у франков, т. е. с дарованием меча и шпор, которые бы я желал получить при грамоте не от католиков, но от самого Патриарха, ибо верно никто не предан столько Святому Гробу, сколько я, недостойный его поклонник»². Меча и шпор, как у франков, Андрей Николаевич, разумеется, так и не получил, но 15 мая 1838 г. Патриарх Иерусалимский Афанасий утвердил грамоту Иерусалимского Синода о рыцарском достоинстве Андрея Николаевича. В грамоте говорилось: «Всякому Началу и Власти, и всем вообще и каждому по едино, возвещаем, что Сиятельный боярин и Камергер Царского Двора Православнейшего и Самодержавнейшего Императора Николая Первого Государя всея России, предъавитель сей нашей грамоты Господин Андрей Муравьев признан нами Гражданином Иерусалима, Членом нашего священного братства Иерусалимлян и Рыцарем или Кавалером Святой Земли».

Другим важным приложением к третьему изданию была «Выписка из «Путешествия к святым местам» грузинского архиепископа Тимофея». Грузинский вклад в наследие Иерусалимской Церкви вызывал особый интерес у Муравьева. Грузинско-палестинские связи восходят к древнейшему периоду – практически к эпохе крещения Грузии равноапостольной Ниной. К тому же времени возводят предания основание древнейших грузинских храмов и обителей в Святой Земле. Пройдет несколько лет, и Муравьев отправится в путешествие по Грузии и Армении с целью на месте изучить и описать христианские святыни Закавказья. Но при подготовке третьего издания своего «Путешествия» единственным источником, которым он мог воспользоваться, было названное выше сочинение владыки Тимофея (Тимоте) Габашвили, выдающегося деятеля грузинского просвещения, совершившего паломничество на Афон и в Святую Землю в 1755–1758 гг. и описавшего грузинские древности Ближнего Востока. По просьбе Андрея Николаевича для него были выписаны и переведены в сокращении фрагменты из этой книги, которые он и включил в свое издание.

К сожалению, попытка расширить круг источников и углубить представление о древней истории Святой Земли оказалась неудачной. Уровень развития самой науки о грузинской истории и древностях, с одной стороны, незнание Муравьевым грузинского языка и, соответственно, привлекаемых источников – с другой, привели к великим несообразностям в воссоздании даже основной хронологической канвы грузинско-иерусалимских отношений. Ограничимся двумя примерами.

«Первый христианский царь Грузии, Мириан Хозроев (sic!), по совету св. Нины, ходил в Иерусалим для поклонения. Он виделся с императором и выбрал для постройки монастыря во имя честного Креста место Лотова знамения». О царе Мириане, сыне Хозроя, крестившем в 337 г. Грузию (Грузинская Церковь почитает его святым и равноапостольным), существует предание, что именно он основал Крестный монастырь на месте произрастания Честного Древа Креста Господня, что, впрочем, не подтверждается источниками, так что реальную историю обители историки начинают с XI в. Нет никаких данных и о паломничестве Мириана в Иерусалим, да и вряд ли оно могло иметь место, как и личное его общение с кем-либо из императоров (Константином Великим или его преемником).

Но продолжим цитату из грузинского экскурса Муравьева. «После Мириана ходил в Иерусалим для поклонения потомок его, именитый царь Вахтанг Гург-Аслан, о коем в тамошних летописях сказано, что султан египетский просил его исторгнуть Святой Иерусалим у обладавших оным франков. Посему он завоевал Иерусалим и всю Палестину и построил много монастырей, долгое время бывших во владении грузин, ибо Вахтанг, для охранения святых мест, поселил там грузинских воинов, и доньне потомки их живут около Иерусалима и по Евфрату, но язык их переменялся на арабский».

Здесь опять в одной фразе смешались отголоски исторических фактов, поэтические легенды и досужие монастырские домыслы. Монастыри, основанные грузинами, в Иеруса-

² ОР РГБ. Ф. 188. Картон 2. Ед. хр. 8. Л. 17 об.

лиме существовали и существуют, хотя по фактической принадлежности перешли уже в XVI–XVII вв. в собственность греков и армян. Но хронологические указания митрополита Тимофея и пересказывающего его А. Н. Муравьева способны только запутать читателя. В эпоху названного картлийского государя Вахтанга Горгасали (вторая половина IV – начало V в.) ни «султанов египетских», ни «франков» просто еще не существовало, Иерусалим входил тогда в состав православной Византийской империи. Позволительно лишь догадываться, что за фантастической датировкой могут в данном случае скрываться предания о событиях намного позднейших – о возможном участии грузин в отвоевании у крестоносцев («франков») Палестины и Иерусалима Саладином («султаном египетским»).

Как видим, комментирование подобных сюжетов при плохой документированности древнейшей эпохи грузинского присутствия в Святой Земле требует всякий раз отдельного обстоятельного исследования. Это дело будущего. Уважение к преданию Грузинской Церкви (и к обычной обстоятельности и осведомленности А. Н. Муравьева) заставило нас с сожалением отказаться от перепечатки в настоящем издании неисправных и слишком часто не поддающихся перекрестной проверке по памятникам других традиций фрагментов текста архиепископа Тимофея.

Сказанное отчасти справедливо и в отношении качества и достоверности последнего из дополнений к книге, сделанного Муравьевым при подготовке ее четвертого издания (1840). Стремясь все к той же полноте представляемых сведений о Святой Земле, он решил включить в нее также характеристику современного состояния Иерусалимского Патриархата. По настойчивой просьбе писателя патриарх Афанасий поручил секретарю своего Синода, известному иерусалимскому книжнику Анфиму, составить краткую справку о числе епархий и монастырей, с указанием численности православного населения по каждой епархии.

Сочинение Анфима «О пределах патриаршего Иерусалимского Престола» является само по себе любопытным и поучительным источником по истории Иерусалимской Церкви. Его достоинства и недостатки отражают не только состояние статистики и археологии Палестины того времени, но и дух, и особенности жизни и внутреннего устройства Иерусалимской Патриархии. Оно свидетельствует, например, и о том, что секретарь Иерусалимского Синода Анфим, как и большинство тамошних синодалов, никогда не покидали пределов Святого Града, не слишком интересовались состоянием храмов и церковной жизнью местного арабского православного населения. Поступавшие в Патриархию сведения из епархий страдают, прямо скажем, нарочитой неточностью: владыки назаретские или вифлеемские сознательно занижают даже цифровые показатели численности своей паствы, чтобы меньше платить положенных отчислений в бюджет Святогробского братства. Не будем утомлять читателя арифметикой и критикой источников, наиболее бросающиеся в глаза несоответствия отмечены нами в примечаниях. Мы хотим лишь подчеркнуть, как трудно было при подобных источниках А. Н. Муравьеву в 1830-е гг. выступать историком и апологетом Иерусалимской Церкви.

Открывая книгу А. Н. Муравьева, читатель с первых страниц убеждается, что перед ним типичная «проза поэта» – об этом свидетельствует как возвышенный настрой, так и собственно язык произведения. В работе над книгой автору удалось создать особый поэтический стиль, в котором слились до неразличимости цитаты из библейских книг, романтическая память рыцарских подвигов и собственные излияния души автора.

Незабываемое впечатление оставляют многие страницы. Вот лишь несколько строк о великой святыне Голгофы: «Чье надменное чело не коснется скалы под сенью сего престола? чьи суетные уста не прильнут к сей вечно памятной бронзе? и чьи слезы, сладко и горько, не потекут в отверстие камня, к самому корню Креста, чтобы освежить и возвратить в собственном сердце его напечатленный образ? Покаянные мысли о грехе, мольбы о спасении, вздохи и порывы к испутившему последний вздох свой на кресте, весь ужас дрогнувшей Голгофы и

померкшего солнца, и вся радость разбойника, первого наследника рая, – такова буря духовная, потрясающая на Голгофе бренное естество человека!»

За основу издателями было принято наиболее полное пятое издание «Путешествия ко святым местам». При воспроизведении текста А. Н. Муравьева мы сохранили целый ряд авторских лексических и орфографических особенностей. К первым относятся поэтические неологизмы, например *пальмник*, вместо привычного *паломник* (очевидно, таким написанием Муравьев хотел прояснить этимологическое происхождение слова «паломник» от «пальмы»). Следует также иметь в виду специфику авторского обозначения этносов и конфессий: католиков он именует то *франками*, то *римлянами*, то *латинами* (*латинянами*); эфиопов – как принято было в XIX в., *абиссинцами*, арабов – нередко *аравлянами*.

К орфографическим особенностям можно отнести написание терминов и топонимов, традиционно начинающихся с буквы «Е», через «Э» (*Элеон* вместо обычного для русского евангельского текста *Елеон*, *епархия* вместо *епархия* и т. д.). Автор использует также славянские написания имен, начинающихся в современном русском языке с буквы «Ю»: *Иустиниан* вместо *Юстиниан*, *Иудифь* вместо *Юдифь*. Иногда это приводит к ошибочным формам, которые можно квалифицировать как гиперкоррекцию: *Иезекия* вместо *Езекия*. Мы сочли также необходимым сохранить и вовсе неточные, устаревшие передачи имен и названий типа *Мегемет* вместо *Мохамед* *Солиман* вместо *Сулейман*, *Воспор* вместо *Босфор*, *вахабит* вместо *вахабит*.

Определенную сложность для современного читателя представляет также обычное для Муравьева использование старинных географических обозначений, восходящих к византийской церковно-административной топонимии. В цитированной уже выше вступительной статье Андрей Николаевич упоминает «брод в Аравию», «где проходил Израиль чрез Иордан». Сегодня мы сказали бы, что речь идет о границе с Иорданией. Появление здесь термина «Аравия» носит церковно-археологический характер. Среди епархий Иерусалимской Православной Церкви и ныне значится епархия Петро-Аравийская. В упоминавшейся справке, представленной Муравьеву секретарем Иерусалимской Патриархии Анфимом, говорится: «Петрская епархия начинается от северной части Мертвого моря и простирается до восточной части Аравийской пустыни: откуда обращается на юг к горам Моавитским и доходит до Чермного моря, заключая в себе и гору Синайскую; потом поворачивается к южному краю Мертвого моря, где и оканчивается, гранича с Вифлеемом».

Восприятие Священного Писания в книге также имеет свои особенности. «Путешествие» было издано задолго до публикации русского синодального перевода Библии. Андрей Николаевич, как правило, цитирует тексты Ветхого Завета в собственном поэтическом переводе с церковнославянского. Соответственно, чтение не совпадает с привычным для нас переводом.

Говоря о передаче Муравьевым священных реалий, отдадим должное писателю-паломнику 1830 г., что он временами вполне четко сознает грань между *археологической достоверностью* или иной святыни и *историко – литургической реконструкцией* которую чаще всего представляют места поклонения в Святой Земле, независимо от того, какой конфессии они принадлежат, при том что и современный паломник не всегда отдает себе отчет в этом различии. Проводя читателя по Храму Гроба Господня и показывая последовательно приделы Разделения Риз, Тернового Венца и Лонгина Сотника, автор сопровождает свой рассказ замечанием: «все три устроены не столько на тех местах, где происходили самые события, сколько для вечной и трогательной их памяти».

Там, где это оказывается возможным, он и сам пытается воссоздать подобные литургические реконструкции. Исследуя берега Иордана, с легендарными пещерами Ильи Пророка и Иоанна Предтечи, Муравьев сознательно задается целью «хотя несколько определить вели-

кое место крещения Спасителя, опущенное из виду мною и новейшими путешественниками, равно как и прочие обители долины Иорданской».

Иногда, впрочем нечасто, Муравьев и в собственном повествовании допускал ошибки. Описав, в надлежащем месте, подробно и не без пафоса католические храмы Назарета, он затем мельком добавляет: «Греки владеют только одной очень древней церковью и показывают внутри оной ключ, из которого черпала Св. Дева, неосновательно уверяя, что на том месте было Благовещение». Неосновательность в данном случае проявил Андрей Николаевич. Православная Церковь сохранила предание о двух Благовещениях: у кладезя и в доме Девы Марии. Вопреки скепсису автора, «Благовещение у кладезя» известно христианской письменности со времени Первоевангелия Иакова и широко отражено в православной агиографии, литургике и иконописи. Потому и церковь над источником, главный храм Назаретской православной митрополии, издревле, со времен Даниила, привлекала внимание русских православных паломников.

В наши дни, когда паломничество в Иерусалим и Святую Землю становится неотъемлемой частью возрождения Русской Церкви и духовных традиций, Муравьев и его книга о путешествии к святым местам вновь оказываются востребованными и актуальными.

Н. Н. Лисовой

Бл҃гвѣнъ Гдѣ ѿ Сїѡна
живый во Іерлѣмѣ

Предисловие

Издавая в третий раз мое путешествие ко Святым местам, я старался отчасти исправить недостатки слога, которые или сам заметил, или мне указали благосклонные читатели. Уважая также их отзыв о необходимости планов для пояснения внутреннего устройства главнейших святилищ палестинских, я приложил к новому изданию подробные планы: Храма Воскресения, где находится Святой Гроб, Вифлеемского собора с подземным вертепом Рождества и Гефсиманской пещеры, заключающей в себе гроб Богородицы, и присоединил к ним карту моего путешествия.

Мне хотелось также дополнить то, что осталось у меня неопианным по краткости моего пребывания в Палестине, выписками из прежних странствований русских во Святую Землю, которые начиная с одиннадцатого века частью сохранились в рукописях, частью напечатаны. Для сего предлагаю в начале моей книги краткий обзор всех русских паломников, из коего хотя и неудовлетворительно, однако же можно видеть переменные обстоятельства Иерусалима в течение восьми последних столетий и постепенное запустение некоторых из его святилищ. В конце же книги я поместил переведенный отрывок из путевых записок архиепископа Грузинского Тимофея^[1], который подробно описывает все обители, сооруженные грузинами в Палестине.

Будучи в Иерусалиме видел я меч и шпоры короля Готфреда^[2], коими и доныне многие благородные посетители Святых мест производятся в орден рыцарей Святого Гроба, с возложением на них креста и цепи короля Балдуина^[3]. Не одно любопытство, но и уважение к сим двум великим освободителям Святого Гроба и к памяти крестоносцев, оставивших по себе неизгладимые следы в Палестине, побудило меня исследовать о начале ордена Святого Гроба, и вместе с сведениями, которые я мог заимствовать по сему предмету из иностранных писателей, представить здесь самую присягу рыцарей и чин посвящения в орден, списанные с латинского подлинника в Иерусалиме. Предлагая еще однажды книгу мою снисходительному вниманию соотечественников, я почту себя совершенно счастливым, если чтение оной возбудит участие к бедственному положению святыни Иерусалимской и Гроба Господня, а участие сие обнаружится милостынею Палестинской Церкви, от лица коей архиепископу Фаворскому^[4] высочайше дозволено собирать ныне подаяние по России.

*С.-Петербург
30 апреля.
1835.*

Обзор русских путешествий в Святую землю

«Се аз недостойный, игумен Даниил, худший во всех мнисех, смирен сый грехи многими, недоволен о всяком деле блазе, понужен мыслию своею, нетерпением своим, восхотех видети святыи град Иерусалим и землю обетованную и места святая: благодатию Божиею с миром дойдох и очима своим видех святая вся, обходях всю ту землю обетованную, иде же Христос Бог наш походи своими ногами и многа чудеса показа по местом тем святым. То все видех очима своим грешныма, и все показа ми Бог видети. Братия и отци и господие мои! простите мя и не зазрите худоумию, и грубостию своею еже исписах о Иерусалиме и о земле той святей, и о пути сем святем, иде же ходихом путем сим и написахом. Аз же не подобно ходих по местом сим святым, во всякой лености и слабости, пия и ядый и вся неподобная дела творя, но обаче надеясь на милость Божию и на вашу молитву, негли Христос Бог простит мя грех моих безчисленных. Да се исписах путь сей и места си святая, не возношаясь, не величаясь путем сим, яко добро сотворив что на пути сем, не буди то, ничто бо не сотворих добра на пути сем. Но любви ради святых сих мест написав все еже видех очима своим грешныма, дабы не в забытии было то, еже ми показа Бог недостойному; убояхся бо осуждения одного раба лениваго, скрывшаго талант господина своего, не сотворшаго прикупа. Да и се написах верных ради человек, дабы кто слышав о местех сих святых, потщался душею и телом ко святым сим местам, и равну мзду примет с ходившими до святых мест. Мнози бо дома сущи в своих местех добрии человеци, милостынями, добрыми делы своими, достизают мест святых, иже большую мзду примут от Бога. Мнози же ходивше святых сих мест и видевше святыи град Иерусалим, и вознесшись умом, яко нечто добро сотворше, погубляют мзду труда своего, от них же первый есмь аз».

Так начинается повесть о своем хождении в Святую Землю благочестивый игумен Даниил русской земли, впоследствии избранный в 1113 году епископом городу Юрьеву, и благо было бы мне, позднешему поклоннику, если бы, повторяя устами его скромное моление, в том же смиренном духе посетил я Святые места. Ныне же, поелику далеко отстал я по чувствам от сего и других моих предшественников в Палестине, постараюсь хотя возобновить соотечественникам память их благого подвига и в одном кратком обзоре соединю все имена тех из русских паломников, которые оставили по себе описание посещенной ими святыни в назидание грядущих по их следам.

Впереди всех является в XII веке сей Даниил игумен, саном своим освятивший благое начало. Особенно замечательно время его хождения, вскоре после водворения крестоносцев в Иерусалиме, при брате Готфреда короле Балдуине I. Повествование сие, в рукописях обретающееся, не давая совершенно ясного понятия о зданиях и местности, быть может, по ошибкам переписчиков, перемешавших меру, расстояния и взаимное положение мест, представляет однако же любопытные сведения о греческих и латинских обителях того времени. Они, вероятно, вскоре потом были разрушены, ибо последующие наши путешественники уже не упоминают о большем их числе. В течение первых пяти веков, со времени завоевания Святой Земли сарацинами и до крестоносцев, монастыри сии держались еще в мирных руках греков, к коим привыкли арабы, и должно полагать, что запустение оных было следствием крестовых походов, раздраживших Восток.

Первое место в рассказе Даниила занимает лавра Св. Саввы, где он жил полтора года, выходя по времени для посещения Святых мест с одним опытным старцем. Как видно, не было тогда монастырей православных в самом Иерусалиме, где франки^[5] недавно отняли их у греков, равно и в других укрепленных городах, оставив единоверцам нашим одни лишь пустынные обители. Едва ли находился в то время и Патриарх в Святом Граде, ибо хотя однажды и упоминает Даниил о келиях Патриарших близ Храма Воскресения, но они могли скорее

принадлежать главе латинскому; при возжжении Святого огня Великой субботы игумен лавры был призываем от короля и, как почетнейший в духовенстве греческом, поставлен на плоскую крышу часовни Святого Гроба, внутри храма, между тем как епископы, вероятно римские, совершали обряд. Самое имя лавры Даниил исключительно относит одной обители Св. Саввы: «Лавра Св. Саввы, – говорит он, – уставлена есть от Бога дивно и чудно несказанно. Есть бо поток и ныне страшен и глубок велми безводен, стены имея каменны. На стенах каменных суть кельи прилеплены. Богом утверждены суть некако дивно на высоте, и те по обема странама потока того страшного стоят, на небеси утвержени суть». Святые мощи основателя, впоследствии увезенные венецианами, покоились еще тогда в его пустыне вместе с телесами других там прославившихся угодников^[6].

Окрестности лавры и берега иорданские, находившиеся в непосредственном владении крестоносцев, подробно описаны Даниилом, ибо он мог свободно посещать их без опасения сарацинов, которые, по словам его, держались только в Аскалоне и на горе Хевронской, отколе выходили для разбоя. Таким образом недалеко от Св. Саввы застал он еще крепкую обитель друга его Феодосия, ныне разоренную, над той пещерою, где отдыхали волхвы, и поклонился там нетленным останкам самого аввы, его матери и матери св. Саввы^[7].

В долине Иорданской Даниил видел несколько монастырей, рассеянных по течению реки, но из слов его нельзя распознать взаимного их положения. При устье Иордана описывает он большой укрепленный монастырь Божией матери, Каламони (благая обитель), воздвигнутый на месте ее отдыха, когда бежала в Египет, и по соседству называет другую богатую и крепкую обитель Иоанна Златоуста. Несколько выше обоих монастырей, ныне уже не существующих, паломник наш заходил в пустыню св. Герасима Иорданского, которой развалины я сам видел; а еще выше (если только не ошибаюсь по неясности описания) на краю русла, но не на самой реке должен был находиться знаменитый монастырь Предтечи, близ коего совершилось крещение Спасителя. Даниил называет его ветхим, дабы отличить от другого укрепленного монастыря Предтечи, стоявшего в ущельях, на пути к Иерусалиму от Иордана, подле горы Ермонской^[8]. Любопытно сказание его о ветхом монастыре: «За олтарем той церкви близко востоку лицом на пригории создан теремец комарками: на том месте есть крестил Господа Иоанн. От того бо места изыде Иордан от ложа своего и, видев Творца своего пришедша креститься, убо-явся, возвратися вспять: посреди того места было Содомское море близ купели той, и ныне же есть дале отбежало крещения дея, яко поприща четыре. Тогда узрев море наго Божество в водах Иорданских убоаясь побеже, Иордан возвратися вспять, яко же глаголет пророк: что ти есть море яко побеже, и ты, Иордан, возвратися вспять?.. Сподоби же мя Бог трижды быти на Иордан, и в самый праздник водокрещения бых на Иордане со всею дружиною моею; виде-хом благодать Божию, приходящую на воду иорданскую, и множество народа без числа тогда приходят к воде, и в ту ночь бывает пение изрядно и свечи горят без числа, в полунощи же бывает крещение воде. Тогда Дух Святый сходит на воды иорданския, достойни же человеци видят добрии, а вси народи не видят, но токмо радость и веселие всякому человеку бывает. Егда рекут: во Иордане крещающуся ти, Господи: тогда вси людие вскочат в воду крестящись в полунощи во Иорданстей реце, яко же Христос в полунощи крестился есть».

Купель сия, по словам Даниила, находится на вержение камня от ветхого монастыря, на том месте, где проходил Израиль чрез Иордан и где донныне есть брод в Аравию^[9] в виду высокой горы, на коей преставился Моисей. На восток же от Иордана, следовательно, по другой его стороне, обретаются две пещеры: одна пророка Илии, а другая с источником Иоанна Предтечи. Я бы желал, хотя чрез сие описание, несколько определить великое место крещения Спасителя, опущенное из виду мною и новейшими путешественниками, равно как и прочие обители долины Иорданской.

В числе оных Даниил еще говорит о монастыре близ Иерихона архангела Михаила, стоявшем на месте явления вождя горних сил Иисусу Навину, и там показывали двенадцать кам-

ней, взятых сынами Израиля на память прехождения через Иордан^[10]. К западу же от Иерихона возвышается гора Искушения, где в обширной пещере сорок дней постился Спаситель^[11]. По соседству с оной посетил игумен монастырь Святого Евфимия, сооруженный в долине, в объеме каменных гор, и поклонился там мощам великого аввы и иных угодников. Но говоря о церкви и о стенах сей обители, и о другой – Св. Феоктиста, лежавшей под горою, к полдню от Евфимиевой, Даниил отзывается о них уже в прошедшем времени и, жалуясь на большие разбои в сих ущелиях, обвиняет поганных в разорении обителей.

Ему удалось также видеть дуб Мамврийский и в горе Хевронской сугубую пещеру^[12] Авраама и других патриархов, над гробами коих были воздвигнуты несколько церквей; но он посещал сии места под защитою воинской дружины, ибо сарацины имели крепкую твердыню на Хевроне. Один из их эмиров провожал его до лавры Фаранской на Мертвом море^[13], где обретались тогда мощи строителя ее св. Харитония, Кириака, детей Ксенофонта и других угодников; а недалеко от Фаррана великолепная церковь стояла над обширной пещерою, где покоились двенадцать пророков. Вся сия святыня опустела ныне или находится в руках неверных.

Описание Вифлеема менее для нас занимательно, ибо ничего почти в нем не изменилось донныне; самые остатки монастыря, построенного в долине, где пели ангелы с пастырями, и в то время были уже развалинами^[14]. Весьма странно, что церкви в окрестности городов иудейских более потерпели, нежели в пустынях, где древние скиты отшельников молитвами своих старцев держались посреди сарацинов. Так и в Горней стояли еще тогда неприкосновенными две обители: одна Предтечи в дебрях, пристроенная к пещере, где жил он младенцем^[15], другая же Елисаветы, или посещения Св. Девы в веси, где родился Иоанн. По-видимому, на том месте стоит теперь новый монастырь франков, но из описания Даниила не видно, к какой обители должно отнести существующие ныне большие и очень древние на горе развалины, за версту от сего монастыря, сливающие под именем дома Захарии^[16].

Касаясь окрестностей Иерусалима, игумен хвалит Иверский монастырь^[17], кратко упоминает о великой церкви в Вифании над гробом Лазаря^[18] и о другой – на месте избияния Стефана у Кедрона^[19], не говоря, однако же, о их состоянии. Но он застал уже только развалины древней великой обители, воздвигнутой над могильною пещерою Богоматери в Гефсимании; быть может, арабы разорили оную во время прежних приступов или последней осады Иерусалима, по ее соседству со стенами города, дабы она не могла служить укреплением неприятелю.

На Сионе дом Тайной вечери был еще тогда христианскою обителью, под именем дома Иоанна Богослова, и так описывает Даниил внутреннее ее расположение: «У тоя церкви есть храмина, в ней же Христос умы нозе учеником своим, и с тоя пойдучи на юг лицом, влесть по степеням, яко на горницу; ту есть храм красно создан на столпе и верх мусиею писан; олтарь же яко и церкви иматъ на восток лицом, тое была келья Иоанна Богослова, в ней вечерял Христос со ученики своими. Ту же Иоанн возлег на перси его и рече: Господи, кто есть предай Тя? На том месте и сшествие Св. Духа на святые апостолы в день пятидесятный; в той же церкви есть другая хоромина наделана на земли низко, в ту бо хоромину приходил Христос ко учеником своим, дверем затворенным, ту же и Фому уверил; ту же есть камень святой, ангелом принесен от Сионския горы; на другой же стране тоя церкви есть хоромина низка другая тем же образом, иде же преставися Св. Богородица: и то все деялось в дому Иоанна Богослова».

Далее через овраг Геенны находилась в бытность игумена Даниила глубокая пещера лицом к востоку, где каялся апостол Петр. Тридцатью ступенями спускались в оную, и великая церковь была над нею воздвигнута. Не там ли ныне находятся большие развалины близ пещеры Скудельничей^[20]? Что же касается до внутренности Храма Воскресения, то чрез столько столетий ига святыня сия сохранилась неизменною.

Замечательно описание знаменитой мечети Омара, обращенной тогда крестоносцами в церковь. Под нею обретался в пещере гроб пророка Захарии, а посреди церкви стоял камень, доселе показываемый, на коем отдыхал Иаков, когда видел во сне лестницу и потом боролся с

ангелом; на том же камне остановился ангел смерти, поражающий язвою народ Давида^[21]. Так игумен русский имел возможность рассказать соотечественникам о внутренности сей неприступной ныне мечети в краткое время ее нахождения во власти христиан^[22].

Усердный паломник^[23] воспользовался походом короля Балдуина к Дамаску, испросив у него позволение следовать с войсками к морю Галилейскому, и говорит подробно о пути своем чрез Неаполь^[24], Самарию (где нашел богатый монастырь франков над темницею Предтечи) и Вассан к истоку Иордана из Галилейского озера. Оставив там крестоносцев, пошедших далее в Сирию, он посетил Тивериаду и ее окрестности. Но, описывая места, на коих совершались чудеса Спасителя, обильно излившего благодать проповеди и исцелений на берега Галилейские, он упоминает только о двух церквах, в его время существовавших: одна во имя апостола Петра, в самом городе Тивериаде, заменила дом, где исцелил Господь тещу Петрову, а другая во имя всех Апостолов, вне города, стояла на помории, там, где в третий раз явился им Воскресший^[25].

Гора Фаворская и Назарет возбудили также благочестивое любопытство Даниила. Несмотря на опасность, он решился один совершить сие путешествие. Фавор чрезвычайно поразил его своею красотою. На месте Преображения видел он богатый латинский монастырь и церковь во имя пророков Моисея и Илии, обнесенные крепким городом, коего я нашел одни развалины. Прежде, по словам игумена, владели сим местом епископы православные, вероятно, и всеми прочими обителями в городах, которые только со времени крестовых походов перешли в руки франков.

Особенно замечательно предание о пещере Мельхиседека, находящейся в горе Фаворской, и о его таинственных явлениях: «В той пещере жил Мельхиседек святой, и ту прииде к нему Авраам и воззва трижды глаголя: человеце Божий, изыди! и изыде Мелхиседек, и изнес хлеб и вино, и созда жертвенник ту в пещере той Богови, сотвори и жертву Мелхиседек царь Салимский Богови хлебом и вином, и абие взялся жертва к Богу на небеса, и ту благослови Мелхиседек Авраама, и остриже Мелхиседека Авраам и обреза ногти его, бе бо космат Мелхиседек; той бо и начал литургию хлебом и вином, а не опресноком; о том бо пророк глаголет: ты еси иерей во веки по чину Мелхиседекову^[26]. Есть же пещера та от Преображенья яко дострелить добре, и второе паки влезохом с любовию в пещеру ту святую, и поклонихомся трапезе той святой, юже создал Мелхиседек со Авраамом. Есть до нынешнего дне трапеза та в пещере, и ныне ту приходит святой Мелхиседек, литургисает в пещере той святой на той трапезе».

Город Назарет найден был игуменом почти в том же состоянии, в каком он обретается ныне. Тогда франки недавно лишь обновили там опустевшую обитель над пещерою Благовещения^[27], позади коей показывали гроб Иосифа, где погребал его сам Господь. Теперь же, не знаю по каким обстоятельствам, поклоняются могиле обручника Св. Девы в ее Гефсиманской пещере. Акра, лежавшая на обратном пути Даниила к Иерусалиму, находилась уже в то время, по словам его, в руках крестоносцев, и с их дружиною возвратился он снова в Святой Град. Благочестивый наш паломник довершает свое описание Святых мест повестью о сошествии Святого огня в день Великой субботы, и я предлагаю вполне сей отрывок любопытству читателей, для точнейшего изображения чувств поклонника и самого торжества.

«А се о свете святем, како исходит ко гробу Господню с небеси. А се ми показа видети худому и недостойному рабу своему; видех бо очима своими грешными поистине, како сходит свет святой к гробу животворящему Господа нашего Иисуса Христа. Мнози бо странники не право глаголют о схождении света святого. Ини бо глаголют, яко Дух Святой голубем сходит ко гробу Господню, а друзии глаголют, яко молния сходит и вжигает кандила над гробом Господним: то есть лжа, ничто же бо тогда видети, ни голуби, ни молнии, но тако невидимо сходит благодать Божия, и вжигаются кандила над гробом Господним. Да о том скажу, еже видех поистине. В великую пятницу, по вечерни, потирают гроб Господень и помывают кандила, сущая над гробом Господним, и наливают кандила та вся масла деревянаго, чиста без воды додного, и вложат светильна и не вжигают светильен тех, но тако оставляют светильна та не

возжена, и запечатают гроб Господень во второй час нощи; тогда исгасят вся кандила, не токмо ту сущая, но и по всем церквем, иже в Иерусалиме. Тогда и аз худый идох, в ту же пятницу великую в первый час дни, ко Князю Балдвину и поклонихся ему до земли; он же виде мя поклонившася, призва мя к себе с любовию и рече ми: что хошеши, игумене русский? познал бо мя добре и любляше мя велми, яко быше муж благ и смирен. Аз же рекох ему: Княже мой Господине! молются Бога деля и князей деля русских: хотел бых поставити кандило свое на гроб святем, за вся князя наша и за всю Русскую землю. Тогда же князь с радостию повеле ми поставити кандило, и посла со мною мужа своего лучшего к иконому святого Воскресения и к тому, иже держит гроб Господень, и повелеста оба, иконом и ключарь святого гроба, принести кандило свое с маслом. Аз же поклонихся има и идох с радостию великою, и купих кандило сткляно велико и налиях масла без воды и принесох ко гробу Господню, уже вечеру сушу, и удасих ключаря того единого и возвестих ему; он же отверзе двери гроба Господня и повеле ми выступити из калиг, и тако босого введе мя единого во гроб Господень с кандилом, еже ношах, и повеле ми поставити своими руками грешными в ногах, а в головах стояше кандило греческое, а на персех святого гроба кандило всех монастырей; благодатию же Божиею та три кандила возжались долная, а фряская кандила^[28] повешена суть горе, а тех кандил ни единого же не возгорелся. Тогда аз поставих кандило свое на святом гробе, и поклонихся честному тому гробу и облобызах с любовью и со слезами место святое, идеже лежало тело пречистое Господа нашего Иисуса Христа, и изыдохом из гроба того с радостию великою и идохом в келию.

Заутра же в великую субботу, в шестый час дни, собираются все людие пред церковь Воскресения Христова, безчисленное множество людей. От всех стран пришельцы и тоземци, от Вавилона и от Египта и от Антиохии и от всех стран ту собирают в тот день несказанно много людей, и наполняются вся та места около церкви и около распятия; велика же теснота бывает тогда в церкви и около церкви, мнози бо тогда задыхаются от тесноты людей тех. И те все людие стоят с свечами невозженными, и ждут отверзения дверем церковным. Внутрь же попове с людьми ждут, дондеже князь придет с дружиною, и бывает тогда отверзение дверем церковным, и входят вси людие в церковь в тесноте велицей, и наполнят церковь ту и полаты и все полно будет, церковь и вне церкви и около Голгофы и около Краниева места^[29], и дотоле идеже налезен крест Господень, все полно будет людей; иного не глаголют ничто же, но токмо: Господи, помилуй, зовут не ослабляючи, и вопиют сильно, яко тутнати и взгемети всему месту тому от вопля людей тех. И ту источники прольются слезами от верных человек; аще бо у кого окаменено сердце имать, но тогда может прослезиться; всяк бо человек тогда зазрит себе и поминает грехи своя, глаголет в себе: егда моих деля грехов не снидет свет святой; и тако стоят вси вернии слезни и сокрушенно сердце имуще. И ту сам князь Балдвин стоит с страхом и смирением великим, источник слез проливается от очию его; так же и дружина его стоят около его прямо гробу, близь олтаря великого. И яко бысть седмый час дни субботного, поиде князь Балдвин ко гробу Господню и с дружиною своею из дому своею боси и пеши, и прислав в метухию святого Савы^[30], позва игумена с черньци его, и поиде игумен с братьею ко гробу Господню; и аз худый тут же идох с игуменом тем и со братьею, и приидохом ко князю тому и поклонихомся ему вси; повеле же князь игумену святого Савы, и мне худому близь себе стати и пришедша, инем игуменом и чернцом повеле князь пред собою итти, а дружине повеле по себе итти. И приидохом в церковь Воскресения Христова к западным дверем, и се множество людей и заступли бяху двери церковныя, и не могохом в церковь внити. Тогда князь Балдвин повеле воем разгнати люди насилием и сотвориша яко улицу сквозе люди олны до гроба, и тако возмогохом пройти. И приидохом к восточным дверем до гроба святого; а князь по нас вниде и ста на месте своем на десной стране у переграды великого олтаря, противу восточным дверем; ту бо есть место устроено княже высоко. Повел же игумену святого Савы над гробом стати со всеми черньци и с правоверными попы; а мене же худаго повеле поставити высоко над дверми гробными про-

тиву великому олтарю, яко зрети ми бяше лзе во двери гробныя. Двери же гробныя все трои замчены, и запечатаны печатью царскою; латыньский же попове в велицем олтари стояху.

Яко бысть осьмый час дни, и почаша попове правовърнии вечерню пети на гробе горе, и вси духовнии мужи, и черноризци и пустынници мнози бяхи ту пришли. Латиня же в велицеме олтари верещати начаша свойски; и тако поющим им всем, аз же ту стоя прилежно зрях дверем гробным: яко почаша паремьи чести субботы великия; на первой паремьи изыде епископ со дьяконом из великого олтаря, и прииде к дверем гробным и призре во гроб сквозе хрестыце дверей тех, и не узре света во гробе и возвратися вспять во олтарь; яко же начаша чести шестую паремью и той же епископ паки припаде ко дверем гробным, и неувиде ничто же во гробе. Тогда вси людие возопиша со слезами: Кириеленсон^[31]. Яко бысть 9 часу минующу начаша пети песнь проходную^[32]: Господеви поем, тогда внезапно приде туча мала от востока лиц, и ста над верхом непокрытым тоя церкви и одожди над гробом святым, и смочи ны добре стоящихъ над гробом. Тогда внезапно возсия свет во гробе святем, и изыде блистание страшно и светло из гроба Господня святого; и пришед епископ с четырьми дьяконы, и отверзе двери гробныя. И взяша свещу у князя того, и вниде епископ во гроб и возже первое ту свещу от света того святого, и вдает ю самому князю тому в руце; и ста князь на месте своем, держа свещу ту с радостию великою. От тоя свещи вси возжгохом свои свещи, а от наших свечъ вси людие возжгоша свои свечи. Свет же святой несть яко огонь земный, но инако светится изрядно, пламя его червленно яко киноварь. И тако вси людие стоят со свечами горящими, вопиют же вси непрестанно: Господи, помилуй, видевши свет Божий святой. Иже бо не видел тоя радости в той день, не имет веры сказавшему о всем том видении. Обаче добрии, вернии человеци вельми веруют и в сласть послушают сказания сего о святыне сей и о местех сих святых. Верний в мале и в мнозе верен есть, а злу человеку истина крива есть. Мне же худому Бог послух есть и святой гроб Господень, и вся дружина Руские сынове, приключшаяся тогда, и новгородци, и кияне, Седеслав Иванковичъ, Городослав Михайловичъ, и инии мнозии, иже то сведают о мне и о сказании сем. Но возвратимся на преже реченную повесть.

Егда свет возсия во гробе святем, тогда же и пение преста и вси возопиша: Кириелейсон, и потом пойдоша вси из церкви с радостию великою и со свечами горящими, соблюдаящи свещи от угашенья ветренаго, и идоша каждо во свояси. От того же света святого вжигают свещи во своих церквах и кончают пение вечернее, каждо дома во своей церкви; в велицей же церкви у гроба Господня сами Попове без людей кончают пение вечернее. Тогда же и мы с игуменом и с братьею во свой монастырь идохом, несуще свещи горяща, и ту кончахом пение вечернее, и вдохом в келья своя, хваляще Бога, показавшаго нам недостойным ту благодать видети. Во утрии же во святу неделю Пасхи, на заутрене отпевше како подобает, и бывшу целованью со игуменом и со всею братьею, и отпущенью бывшу, в первый час дни, взял игумен с братьею крест, идохом ко гробу Господню поюще кондак сий: аще и во гроб сниде, и вшед во гроб животворящий, и облобызавше с любовию и со слезами теплыми, и насладившись ту благоухания тоя воня, Святого Духа пришествием, кандилом тем еще горящим и светло чудно. Та бо кандила три бяху вжеглась тогда, егда сниде свет святой, яко же ны поведа иконом и ключарь святого гроба Господня, а иных висит пять кандил над гробом Господним, но свет их инако бяше, не яко же оных трех кандил изрядно и чудно светясь. Потом изыдохом восточными дверми из гроба, и вшед во олтарь сотворихом целованье с правоверными попы и сирианскими, и изыдохом из церкви и идохом во свой монастырь.

По трех же днех, по литургии идох к ключарю святого гроба и рех ему: хотел бы взяти кандило свое. Он же поим мя с любовью единого, введе во гроб, и вшед во гроб и обретох свое кандило на гробе святом, еще горяще светом святым, и поклонився гробу святому и тогда измерих гроб Господень в длину и в ширину и в высоту, при людех бо не возможно измерити никому же; и почестих гроба Господня по силе своей как мог, и тому ключареви подах нечто мало и худое благословение свое. Он же видел любовь мою ко гробу Господню, и удвигнув

дску сушую в головах святого гроба и уломи мало святаго камени на благословение, и запрети ми с клятвою никому же поведати во Иерусалиме. Аз же поклонився святому гробу тому и ключарю, и взял свое кандило с маслом горящим, и изыдох с радостью великою и обогатився Божиею благодатию, нося в руку моею дар и знамение святаго гроба. Ходил есми там во княжение руское великого князя Святополка Изяславича, внука Ярослава Владимировича Киевскаго^[33]. Бог тому послух и святой гроб Господень, во всех сих местех святых, не забыв имен князей русских, и княгинь их, и детей их, ни епископ, ни игуменов, ни бояр, ни детей моих духовных, ни всех христиан, николиже не забыл есмь, но везде поминал есть: о сем похваляю благаго Бога, яко сподоби мя худого написати имя князей русских в лавре Св. Савы, и ныне поминаются во октеньи. Сеже имена их: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давыд-Все-славич^[34], Михаил-Олег, Панкратий-Ярослав Святославич, Андрей-Мстислав Всеволодович, Борис Всеславичъ. Только есмь воспомянул имен, все то написал есмь о всех князих русских, и о боярех у гроба Господня. Буди же всем почитающим написание се благословение от Бога и от святаго гроба и от всех мест сих святых: примут бо от Бога мзду равно с ходившими в места сия святая, блажени же невидевши веровавшие. Верую прииде Авраам в землю обетованную: по истине вера равна добрым делом. Бога ради, братие и отци и господие мои, не зазрите моему худоумию и моей грубости, да не будет в похваленье се написание мене ради, но святых деля мест, почтите с любовию да мзду примите от Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа, и Бог мира буди с вами со всеми. Аминь».

Таково сие первое известное нам путешествие русского паломника по Святым местам, доселе находившееся в одних рукописях. Нельзя сомневаться в его древности и вероятности, ибо оно наполнено выражениями, сходствующими с древними нашими летописцами, хотя переписчиками многое в нем искажено и подновлено. Представленные здесь выписки из сего паломника выбраны по сличении трех списков XVI столетия, хранящихся в Императорской библиотеке^[35].

Даниил застал начало королевства рыцарского в Иерусалиме, а в последние годы его посетила Святые места другая знаменитая паломница русская, также духовного сана, игуменья, но вместе и княжна полоцкая, дочь князя Брячислава святая Евфросиния. Она избрала самое благоприятное время для своего странствия, ибо в 1173 году, хотя оставалось только 15 лет до завоевания Иерусалима Саладином, но еще тогда король Алмерик^[36] царствовал со славою, и по браку своему с Мариєю, дочерью греческого императора Мануила, вероятно, ласково принял княжну русскую. Краткое описание хождения преподобной Евфросинии и блаженной её кончины осталось нам в житии её.

«Таже по малом времени вручи обитель сестре своей Евдокии, и целовавши всех, и на Бога возложившись, по довольной молитве яся намереннаго ко Иерусалиму пути, провождающим ю всем далече с горькими слезами. Поя же с собою другого брата своего Давида, и Евпраксию сродницу, и прииде перее в Константиин град, и прията бысть честно от царя и патриарха; иде же поклонившись святым церквам и многих святых мощам, поиде в Иерусалим, его же достигши, поклонися живоносному Христову гробу, и златое кандило на нем постави, и многия дары даде церкви Иерусалимстей и патриарху. Обыде же и вся святая Иерусалимская места, со многим умилением покланяющихся и молящихся, и обита в монастыре, нарицаемом Русском, при церкви Пресвятыя Богородицы. И паки ко гробу Господню пришедши, помолися со слезами и воздыхании сердечными, глаголющи: Господи Иисусе Христе Сыне Божий, рождейся от пречистыя и пресвятыя приснодевы Марии спасения ради нашего, рекый: просите и дастся вам, благодарю благоутробие твое, яко аз грешная, еже просих у тебе, то получиш: сподобихся бо видети святая сия места, яже ты пречистыми твоими ногами освятил еси, и лобызати святой гроб твой, в нем же почил еси пречистою твоею, за ны смерть подъемшею плотию: но и еще у тебе, о преблагий Владыко, прошу единого дара сего, даждь мне, да на сих местех святых скончаюся. Не презри смиренного моления моего, Создателю мой, пойми дух

мой во святем сем твоём граде, и вчини со угодившими тебе на лоне Авраамлем. Тако помолвившись, изыде в предреченную церковь, идеже виташе, и впаде в недуг телесный и возлеже на одре болезни, рекши: слава тебе, Владыко мой Иисусе Христе, яко и в сем вослушал мя еси недостойную рабу твою, и сотворил ми еси, яко же восхотел еси. Желаше же быти и на Иордан, но уже не возможе болезни ради: посла убо Давида брата своего и Евпраксию, они же шедше на Иордан, и возвратившися оттуду, принесоша ей воды Иорданския. И прия воду тую блаженная со мною радостию и благодарением, и пию, и по всему телу своему облиая ею, и паки возлеже на одре и рече: благословен Господь просвещающий и освящающий всякого человека грядущаго в мир. Бысть же ей в болезни той ангельское явление, и возвешение от Бога о блаженной кончине ея, и о уготованном ей покое, и веселящаяся душою преподобная о Бозе Спасе своем, хваля и благодаря того благостыню. Посла же в лавру святого Саввы, молящия архимандрита и братию, да дадут ей место на погребение во обители той. Они же отрекоша глаголюще: заповедь имама от святого отца нашего Саввы, еже никогда же погребсти жены во обители его: есть же общежительный монастырь Пречистыя Богородицы Феодосиев, в немже многия жены святыя лежат: тамо бо и мать святого Саввы, и мать святого Феодосия, и мать святых безсребренних, Феодотия, и инии погребены суть: тамо убо и богоугодной Евфросинии положенной быти приличествует. Преподобная же то услышавши похвали Бога, яко тело ея с мощми святых жен имать быти положено. И абие посла во обитель преподобного Феодосия с молением, и показаша черноризцы место на гроб в церковном притворе, и устроен бысть гроб святой на погребение. Болезновавши же преподобная двадцать и четыре дни, и к скончанию приближившись призва пресвитера, и причастия Божественных таин, и молящися предаде святую свою душу в руце Божии, месяца мая в 23 день, и положена бысть честно во обители Феодосия преподобного, в паперти церкви Пресвятыя Богородицы. Давид же брат, и Евпраксия сродница, возвратившися в свою страну, во град Полоцк, принесоша весть о блаженном скончании и честном погребении преподобныя Евфросинии, и вси много плакавше, восприимша совершати память ея, славяще Бога Отца и Сына и Святого Духа, от вся твари хвалимаго, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Около 1349 года Стефан Новгородец, бывший в Палестине, написал хождение, сходное во многом с паломником Даниилом. Известный наш археолог Г. Строев^[37] полагает даже, что он есть тот же Даниил, но переименованный. Я должен основаться на его мнении касательно сего хождения, ибо, прочитав все прочие рукописи паломников палестинских, не мог достать Стефановой, а для одного путешествия не хотел остановить обзора всех других, тем более что оно, как повторение, менее занимательно.

Любители древности обязаны также Г. Строеву изданием в свет странствования по Святым местам иеродиакона Зосимы 1420 года, о котором он предварительно говорит во второй части «Русского зрителя»: «Инок Зосима, диакон Троицко-Сергиевой лавры, находился в Киеве и потом (как говорит сам), желая видеть Святые места на Востоке, с купцы и вельможами великими отправился в Царь-град. Отсюда он ездил в монастыри Афонской горы, посетил город Солунь, и в 6928, или 1420 году, на Страстной неделе, прибыл в Иерусалим. Наш странствователь хвалится, что никто лучше его не видал Святого Града и тамошних окрестностей и опровергает неосновательные рассказы, слышанные им, без сомнения, у себя дома. В некоторые палестинские места он сопровождал Иерусалимского патриарха Феофила. Упомянув о Царьградском, женском монастыре Линеси, иеродиакон Зосима рассказывает между прочим: Дут лежит царица русская Анча (Анна), дочь московского великого князя Василия Дмитриевича внука великого князя Александра литовского, зовомаго Витовта». Далее: „Вся сподобихся видети в Царьграде, якоже прежде бех коли с княжною, в царство благочестиваго царя Кир Мануила, и в то время венча сына своего старейшаго Калуюна на царство греческое, состаревшемуся ему”. Из сего справедливо заключить можно, что он находился в свите княжны Анны

Васильевны, когда она, в 1411 или 1414 году, прибыла в Царьград для бракосочетания с сыном императора Мануила, Иоанном (или Кало-Иоанном)

Палеологом. Это известие весьма важно, ибо относительно сей родственной связи государя московского с императорским византийским домом и времени оной, известия наших летописцев и историков темны и сбивчивы. Записки Зосимы не были еще напечатаны. Они находятся в одной рукописи (средины XVI века), принадлежащей драгоценной библиотеке Ф. А. Толстого под следующим заглавием: „Книга, глаголемая Ксенох (Ксенос), сиречь Странник, Зосимы диакона, о пути Иерусалимском до Царьграда и до Иерусалима”»^[38].

Зосима поименно называет почти все главные храмы и монастыри царьградские, не распространяясь об них, и таким образом написано все его путешествие. Замечательно, однако же, то, что говорит он о конной статуе Юстиниана пред вратами Св. Софии: «На столбе конь медян, и сам медян вылит, правую же руку держит распростерту, а зрит на Восток, хвалится на сарацинского царя, и сарацинские цари против ему стоят, болваны медяны, держат в руках своих дань и глаголят ему: не хвалися на нас, господине, мы ся тебе ради противити начнем». А через 34 года неверные уже владели Царьградом. На другом столбе, против церкви Апостолов, «стоит ангел страшен велик и держит в руке скипетр Царьграда, и против ему стоит царь Константин, держит в руках своих Царьград и дает его на соблюдение тому Ангелу». Как трогательны такие надежды накануне падения столицы! – в полном уповании на сего страшного ангела народ толпился около столба в день последнего приступа. Число св. мощей, во время Зосимы хранившихся в Константинополе, было весьма велико, судя по его описанию. Неужели при разорении греки ничего не спасли?

В Иерусалиме он еще застал крест на одном из куполов Храма Воскресения, также обе церкви Вознесения и Св. Сиона, которые ныне обращены в мечети. Он посетил окрестности Иордана, где спасалась Мария Египетская в пропастях и горах великих, и входил в гробницу, где клались святые отцы из Предтечева монастыря, и там целовал мощи св. Зосимы, причащавшего Марию Египетскую; но Герасимов монастырь и в его время уже был пуст по нападениям арабов. Сам он пострадал от них близ Мертвого моря; однако же отдохнув в лавре Св. Саввы, где тогда было 50 иноков, дошел до Хеврона, могильной пещеры Авраама, и странно предполагает под дубом Мамврийским гробы Ионы пророка и Иова.

Вифлеемский собор принадлежал в его время римлянам^[39]. Зосима рассказывает, «что на пути от Вифлеема к Иерусалиму есть столб, а на том месте сидит столпник, и принесе ему апостол ключ града Иерусалима и велел ему предать град Иерусалим нечестивым, сиречь сарацинам; уже 400 лет владеют Иерусалимом и гробом Божиим» (но сие несправедливо, ибо тогда не прошло еще 233-х со времени завоевания Саладином)^[40]. На обратном пути Зосима посетил Кипр, где застал Рига Фряжского (короля) и брата его арцибурга т. е. архиепископа, который потом был последним королем острова, а в Родосе видел Мистра великого^[41], и все у него крестоносцы и церковные люди, носящие кресты, на левых плечах вышиты. Далее, около Митилены, едва не лишился он жизни, ибо морские разбойники-катанцы разграбили его корабль, и сим бедственным приключением кончается его странствие.

Около пятидесяти лет после иеродиакона Зосимы странствовал при великом князе Иоанне Васильевиче IV Василий, гость Московский, в 1466 году. (Список его путешествия хранится в одном из сборников Синодальной библиотеки^[42].) Он уже ни слова не упоминает о Царьграде, завоеванном турками, а начинает хождение свое из Бруссы, прежней столицы оттоманской, близ Мраморного моря, и называет главные города Анатолии и Сирии по дороге в Египет, мимо Иерусалима, куда он пришел уже на обратном пути из Египта через Хеврон, что весьма странно, ибо целью пути был Святой Град. Описание его весьма кратко, сухо и незанимательно; он застал Святые места точно в таком же положении, как и предшественник его Зосима. Одно только достойно внимания: при нем лежали в подземной церкви Обретения креста, с левой стороны престола, мощи св. Кириака патриарха Иерусалимского, который,

будучи еще евреем, открыл место креста царице Елене. Кроме гостя Василия, никто из других путешественников о том не упоминает, и теперь мощи сии неизвестны в Иерусалиме. Василий возвратился в отечество тем же путем на Бруссу, через Анатолию и нашел около Тарса и Александры область малой Армении, еще сильной и цветущей.

«В лето 7090 (1582), при митрополите Дионисии Московском, Государь, Царь и Великий Князь Иоанн Васильевич, Всероссийский Самодержец, послал с Москвы в Царьград, в Антиохию, в Александрию, и во Святый Град Иерусалим, и в Синайскую гору, и во Египет, к Патриархам и ко Архиепископам и Епископам, ко Архимандритам и Игуменам, по сыне своем по Царевиче Иоанне Иоанновиче, милостыню довольну, с Московскими купцы, с Трифоном Коробейниковым да с Иеремеем Замком, да с ними ездил Московский жилец Федор сутечный мастер, да с ними же Государь посылал 500 рублей в Синайскую гору, на сооружение церкви Великомученицы Екатерины, где лежаше после преставления тело ея на горе, Ангелы хранимо».

Хождение сие, изданное в печать Иваном Михайловым в 1798 году с ошибками и с собственными дополнениями о древнем Иерусалиме, в искаженном виде, чрезвычайно любопытно в рукописи, как по довольно подробному описанию самой святыни, так и по духу времени и местным преданиям, тщательно собранным послами Иоанна, да и самая цель послания, милостыня за душу убитого им царевича, дает особую цену сему путешествию. На Белом озере есть синодик за убиенных тмами новгородцев, а на Синае поминовение за погибшего сына! — на таком расстоянии вторят друг другу молитвы за упокой жертв того же грозного мужа! как мысленно скитается душа его по всем обителям Севера и Востока! как издалека ищет себе упокоения!.. и молитвами стольких угодников да обретет его в день судный!

Коробейников из Царьграда отплыл в Сирию и чрез Дамаск странствовал в Иерусалим, оттоле с патриархом Софронием в Египет, и кончает свои записки Синаем. Он застал главный собор Иерусалимского Храма в руках греков, и восемь престолов иноверцев в разных его пределах. Рассказ о сошествии Святого огня в Великую субботу исполнен теплой веры и благочестия. «В тот же день великия субботы заутра внидут поганы турки, спаги и санчаки и янычара в великую церковь ко гробу Господню и погасят вся кандила, горящая во всей велицей церкви, и по приделом, и над самым гробом Господним, и ни едино оставят кандило с огнем; у патриарха же и у христиан обычай имут, яко в домех своих в великий четверток погашают огонь, и от того места не бысть огня ни у когоже, дондеже снидет с небеси на гроб Господень, и от того огня взимают и разносят в дома своя и держат во весь год тот огонь, а дела не делают никакого, разве Богу молятся до Воскресения Христова. Церковь малую запечатлеют, иже над гробом Господним, своею печатью и стражей поставят у дверей у гробницы, а патриарх со христианы старую трапезу предадут; патриарх же со христианы идут во свою церковь к Воскресению Христову, и тамо молят Бога со слезами, и ждут знамения Божия с небеси; и за два часа до вечера придет аки солнце в великую церковь, в непокровенное место, а непокровенное место большой церкви над гробом Господним, и узрит патриарх тот луч Божественного знамения, и возьмет евангелие и крест и хоругвь и свечи без огня, и пойдет в боковые двери, сиречь в сторонныя от старыя трапезы ко гробу Господню; за ним иноки и христиане и епископы верные, и многие за ним игумены армянские со армяны, и за ними идут кофти и хабежи, и мурины и несториане и прочая их ересь со своими попы^[43], и пришед патриарх со христианы ко гробу Господню, и обошед трижды вокруг, прииде на гробницу и моляшеся со слезами, инокам же и инокиням и христианам плачущимся горце, вопиюще ко Господу: Господи, сподоби нас видети благодать человеколюбия твоего и не остави нас сирых. Патриарх же, ходя круг гроба Господня, пояше стихиры: „днесь ад стена вопиет“, нам же всем плачущимся не могущим удержатися от слез. Прииде же Патриарх к дверям церковным гробницы Господней и повеле туркам придел над гробом Господним отпечатати; патриарх же отверзе двери гробницы, и узревше вси людие благодать Божию, сошедшую с небеси на гроб Господень, в огненном образе огня ходяща по гробу

Господню, по дске мраморне, и всякими цветы, что молния с небеси, а кандилом всем стоящим верху гроба без огня, и видевшие вси людие таковое человеколюбие Божие, возрадовашася радостию великою зело, испущаху многия слезы от радости. Патриарх же Софроний вниде один в придел гроба Господня, имуще во обоих руках свечи многия, приступи ко гробу Господню и держа свечи вскрай гроба Господня, и сниде огонь со гроба Господня яко же молния на патриаршу руку и на свечи, и абие загорешася свечи в патриарших руках пред всеми людьми, и нас сподобил Бог видети; тут же на гробе Господнем христианская кандила загорешася, а от латинских вер ни едино кандило загореся. Патриарх же изшед из придела гроба Господня, имуще в руках обеих свечи многия горящи великие пучки, изнесе огонь из придела Господня, и по стороне придела Господня ста на высоком месте, где ему на то учинено. Народ же окрест его стояще и от его руки взираху огонь христиане, и вжигают воски великой церкви и по святым местам свечи и кандила, и понесоша тот огонь в дома свои для благословения, и держат тот огонь во весь год в домех своих; а которые свечи изнесе патриарх от гроба Господня, тот огонь в патриарших руках не жжет человеческих рук разве свещи, а как возмут христиане от патриарших рук свещи, и огонь в христианских руках станет яко же и прочий огонь, все от него горит».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Митрополит Тимофей (Тимоте) Габашвили, церковный писатель, выдающийся деятель грузинского просвещения, совершивший в 1755–1758 гг. паломничество на Афон и в Святую Землю и описавший грузинские древности Православного Востока в книге «Путешествие». Сведения Тимофея, в кратком пересказе, А. Н. Муравьев включал в состав приложений к своему «Путешествию ко святым местам», начиная с третьего издания (1835).

2.

Готфрид (1100) – герцог Лотарингский, предводитель Первого крестового похода, освободитель Иерусалима (1099). Отказался венчаться «королем Иерусалимским», сказав, что не может возложить на себя корону в городе, где Спаситель был увенчан терновым венцом, и принял лишь титул «Защитник Гроба Господня».

3.

Балдуин I – граф Эдесский, первый король Иерусалимского Латинского королевства (1100–1118), брат Готфрида.

4.

Иерофей, архиепископ Фаворский, впоследствии Патриарх Антиохийский (1850–1885). В 1833–1839 гг. по благословению Патриарха Иерусалимского Афанасия V находился в России для сбора пожертвований в пользу Иерусалимской Церкви.

5.

Франки – общепринятое в Иерусалиме обозначение католиков, а часто и вообще европейцев. В качестве синонимов для обозначения представителей Римско-Католической Церкви А. Н. Муравьев использует, кроме термина «франки», слова «римляне», «латины», «латиняне».

6.

Мощи св. Саввы Освященного были возвращены в основанную им лавру в 1965 г. по благословению Римского Папы Павла VI. Память перенесения (возвращения) мощей преподобного совершается в Иерусалимской Церкви 13 октября.

7.

Речь идет о монастыре Преп. Феодосия Великого, основанном в V в. Феодосий, друг и сподвижник Саввы Освященного, первым в Палестине сделал свою обитель киновией, т. е. ввел в ней общежительный устав, почему его называют также Киновиархом («общих житий начальником»). В начале VII в. монастырь был разрушен персами, тысячи иноков в окрестных кельях и пещерах перебиты. Подобно многим другим, обитель была ненадолго возрождена крестоносцами и затем вновь на века уходит со страниц истории. Муравьев смог посетить развалины монастыря во время второго своего путешествия на Восток, но проникнуть в заваленную камнями Пещеру Волхвов, по собственному его признанию, не решился (Муравьев А. Н. Письма с Востока. Ч.2. М., 2005. С. 74). Обитель возродили в 1881 г. иноки Иерусалимского Крестного монастыря. Современный соборный храм построен в 1896–1900 гг., восстановлена и пещера.

8.

Ошибка игумена Даниила, которого цитирует А. Н. Муравьев. Гора Ермон находится совершенно в другом месте, на севере Галилеи, на границе с Ливаном. «Малым Ермоном» называют иногда невысокий горный хребет между Галилеей и Самарией. Ни тот, ни другой Ермон не имеют отношения к «пути от Иордана к Иерусалиму». Возможно, игумен Даниил неверно передал название местности.

9.

Имеется в виду переправа через Иордан в районе современного моста Алленби. Сегодня мы сказали бы, что речь идет о границе с Иорданией. Муравьев использует, как нередко и в других случаях, старинные географические обозначения, восходящие к византийской церковно-административной топонимии. Среди епархий Иерусалимской Православной Церкви и ныне значится епархия Петро-Аравийская. Очевидно, ее автор и имеет в виду, говоря об Аравии. Ср. описание границ епархии в справке, представленной Муравьеву секретарем Иерусалимской Патриархии Анфимом: «Петрская епархия начинается от северной части Мертвого моря и простирается до восточной части Аравийской пустыни: откуда обращается на юг к горам Моавитским и доходит до Черного (Красного. – Н. Л.) моря, заключая в себе и гору Синайскую; потом поворачивается к южному краю Мертвого моря, где и оканчивается, гранича с Вифлеемом».

10.

В настоящее время не существует. Наиболее вероятным местом, где мог находиться Галгал, считается холм в четырех километрах к юго-востоку от города, где были раскопаны археологами фундаменты церкви, существовавшей здесь в IV–IX вв. и именовавшейся в византийских источниках «Додекалифон» – «Храм двенадцати камней». Возможно, именно его имел в виду игумен Даниил, говоря о монастыре архистратига Михаила.

11.

Монастырь на горе Искушения, основанный преп. Харитоном Исповедником (IV в.), был разрушен при персидском нашествии в 614 г., восстанавливался и вновь разорялся, пока в 70-е годы XIX в. здесь не поселился русский инок – «Аркадий, отшельник Сарандарский». Позже, по благословению Патриарха Иерусалимского Кирилла II, была восстановлена обитель.

12.

Пещера Махпела (в переводе «двойная», «сугубая») – место погребения праотцев Авраама, Исаака, Иакова и их жен – расположена в самом центре Хеврона. Неизвестно, как она выглядела первоначально, предположительно «двойная» могло означать: «одна под другой». Ирод Великий оградил священное место мощными высокими стенами, так что образовался прямоугольник, вытянутый с северо-запада на юго-восток (63 м в длину и 36 м в ширину). В результате возникло святилище под открытым небом с шестью кенотафами (ложными гробницами), стоявшими на тех же местах, что и теперь. В византийское время внутри огражденного пространства была воздвигнута пятинефная базилика. После мусульманского завоевания (636 г.) церковь была превращена в мечеть. Крестоносцы вновь сделали ее христианским храмом, придав тот характерный облик, который сохранился до наших дней.

13.

В настоящее время Фаранская Лавра преп. Харитона Исповедника локализуется в ущелье Айн-Фара к северо-востоку от Иерусалима. Еще в начале XX в. археологи Иерусалимской Патриархии не знали точного местонахождения этого монастыря.

14.

Православный храм на Поле Пастырей, воздвигнутый, по преданию, еще во времена Константина, неоднократно перестраивался и разрушался впоследствии, но сохранилась его сама крипта – пещера, с престолом над местом погребения пастырей, с типичными мозаиками середины IV в. на полу. Сверху, над криптой, сохранились напольные мозаики более позднего византийского храма (VI–VII вв.). В 1972 г., по почину инок Лавры преп. Саввы Освященного, на участке, принадлежащем с середины XIX в. их обители, рядом с оставленной в неприкосновенности подлинной Пещерой Пастырей был воздвигнут новый трехпрестольный храм.

15.

Пустынь св. Иоанна Предтечи в Айн-Кареме существует и ныне, неподалеку от Русского Горненского монастыря. Принадлежит францисканцам.

16.

После изгнания крестоносцев церковь в Айн-Кареме («в веси, где родился Иоанн») была обращена мусульманами в конюшню, хотя и по прошествии более трехсот лет раз в году, в праздник Рождества Предтечи, здесь совершалось католическим духовенством богослужение. В 1621 г. представители францисканского ордена убедили местных правителей уступить им развалины храма. Тогда и был на их основе построен «новый монастырь франков». Что касается «развалин на горе» – это остатки дома Елизаветы и Захарии, где находится ныне также принадлежащий францисканцам монастырь Магнификат, вдающийся клином в территорию Русского Горненского монастыря. Древний, существовавший здесь во времена Византии и крестоносцев храм Посещения Елизаветы Девой Марией, восстановлен в 1938 г. известным итальянским архитектором А. Барлуцци.

17.

Имеется в виду основанный грузинскими («иверскими») иноками Крестный монастырь (в настоящее время в черте Иерусалима).

18.

Сохранившиеся фрагменты мозаик византийской церкви, как и остатки позднейшей базилики крестоносцев в Вифании вошли в состав архитектурно-археологического оформления современного францисканского храма Воскрешения Лазаря (архитектор А. Барлуцци, 1952).

19.

А. Н. Муравьев неверно связывает описываемую Даниилом церковь Первомученика Стефана с позднейшей ее греческой локализацией в долине Кедрона, близ Гефсимании, где ныне находится православная церковь того же имени. Даниил говорит о храме «по левую руку от Яффской дороги» – там, где раскопками 1880-х гг. были вскрыты остатки базилики, воздвигнутой на месте побиения Стефана императрицей Евдокией (V в.), и где теперь находится доминиканский храм при археологическом институте Ecole Biblique.

20.

Пещера покаяния апостола Петра, над которой находится ныне церковь Сан-Пьетро-ин-Галликанту («Где пел петух»), расположена, как справедливо указано у Даниила, на восточном склоне Сиона, но отнюдь не «через овраг Геенны», как пишет А. Н. Муравьев (там находится Акелдама – «село Скудельничье»).

21.

В мечети Куббет-ас-Сахра («Купол над Скалой») находится один из древнейших археологических памятников Иерусалима – камень, на котором, по преданию, Авраам готов был принести в жертву Исаака, который затем был приобретен царем Давидом («гумно Орны Хеттеянина»), потому что именно здесь остановился архангел Михаил, посланный в наказание народу израильскому. Царь Соломон, осуществивший замысел отца своего Давида о создании Храма Господня, превратил гумно Орны в жертвенник Храма. Много веков спустя, когда давно уже не существовал ветхозаветный храм, с этого же камня, согласно Корану, пророк Мохаммед совершил вознесение до третьего неба на волшебном коне Аль-Бураке. Предания, отождествляющие пещеру под камнем с жилищем пророка Захарии, а сам камень – с камнем Иакова, находившимся в Вефиле, в Самарии, в современном Иерусалиме не известны.

22.

Мусульманские святилища на Храмовой горе в Иерусалиме, «неприступные» для христианских паломников во времена Муравьева, стали вновь доступны после 1859 г., когда их, первым из христиан в новое время, посетил великий князь Константин Николаевич, брат Александра II, в ходе своего паломничества в Святую Землю.

23.

«Пальмник» – неологизм Муравьева, с точностью до буквы совпадающий со словом «паломник». Возможно, так писалось это слово в рукописи «Паломника» игумена Даниила, которой пользовался писатель.

24.

Имеется в виду современный арабский город Наблус, название которого представляет собой искаженную передачу греческого «Неаполис».

25.

Ошибка А. Н. Муравьева. Вслед за игуменом Даниилом писатель помещает в Тивериаде храмы и евангельские события, связанные с Капернаумом. Храмы на месте указанных событий существуют в Капернауме и теперь.

26.

Пс 109, 4. См. также: Евр 6, 20.

27.

Первая церковь на месте Благовещения была построена в 427 г., о чем сообщает сохранившаяся мозаичная надпись, называющая и имя ее создателя – диакон Конон. Во времена крестоносцев здесь стояла большая богато украшенная базилика, разрушенная в 1263 г. мамлюкским султаном Бейбарсом. В 1730 г. францисканцы построили на ее развалинах церковь меньших размеров, которую и имеет в виду А. Н. Муравьев. В настоящее время на ее месте воздвигнута большая современная базилика (освящена в 1969 г.).

28.

Имеются в виду фряжские, т. е. католические лампы.

29.

Краниево (т. е. Лобное) место, от греч. κρανιον ‘череп’, это и есть Голгофа. Очевидно, игумен Даниил различает собственно Голгофу и место главы Адама под Голгофой (т. н. придел Мельхиседека).

30.

То есть на подворье (в метохе) Лавры преп. Саввы Освященного.

31.

Греч.: «Господи, помилуй».

32.

«Песнь проходная», то есть связанная с памятью перехода («прохода») народа израильского через Красное море, поется на вечерне Великой субботы после шестой паремии, содержащей повествование об этом событии из книги Исход.

33.

Великий князь Святополк Изяславич, внук Ярослава Мудрого, двоюродный брат Владимира Мономаха, также упоминаемого Даниилом, правил в Киеве в 1091–1113 гг.

34.

Ошибочно вместо Давид Святославич, сын Святослава Ярославича, внук Ярослава Мудрого, родной брат названного далее Михаила-Олега (знаменитого Олега Гореславича из «Слова о полку Игореве»).

35.

Ныне Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге.

36.

Имеется в виду король Иерусалимский Амальрик (Амори) I, правивший в 1162–1174 гг.

37.

Строев Павел Михайлович (1796–1876) – историк, археограф, специалист в области славянской и древнерусской библиографии.

38.

Странствования к святым местам иеродиакона Зосимы / С предисл. П. М. Строева // Русский зритель. 1828. Ч. 2. С. 181–205.

39.

Читай: католикам.

40.

Похоже, что иеродиакон Зосима в своем «Ксеносе» отсчитывал 400 лет от разрушения храма Гроба Господня халифом Хакимом Безумным в начале XI в.

41.

«Риг» – искаженное гех ‘король’. «Мистр» – великий магистр Ордена иоаннитов, который после переселения рыцарей с Родоса на Мальту стал называться «Мальтийским».

42.

Ныне рукопись хранится в Отделе рукописей ГИМ (ОР ГИМ. Син. 420. Л. 350–368).

43.

Перечисляются представители монофизитских и несторианских Церквей Востока, участвующие в литании Святого Огня: армяне, копты («кофты»), абиссинцы («хабежи»), сирояковиты («мурины») и др.